

*Моей замечательной племяннице
Александре Беляевой
посвящается с любовью*

— Нет, ну надо же было в очередной раз так попасть?! А? — негодуя, вопрошала у провидения Стаська. — Ну не умею я ей отказывать, и все! Ну хоть бы раз! Придумала бы что-нибудь: свидание какое захудалое, например, или работу срочную!

Стаськины стенания начавшиеся с того момента, как она проснулась, были в пользу бедных, то бишь бесполезны. Поскольку отказать любимой тетке, именуемой в семье княгинюшкой, она не могла и, пожалуй, не знала никого, кто оказался бы на это способен.

А отвертеться и придумать путевую отговорку... а-а-а!

Бесполезно!

Отмазки типа работы и свидания, как говорится в том анекдоте: «Не канают!» Трудилась Стася сразу на трех работах — переводила для одной фирмы официальные документы с немецкого на русский и наоборот, для другой фирмы делала то же, но на французском, но основным местом своей занятости числила

издательство, для которого переводила с французского женские любовные романы. Работы выходило до фига, но основная прелесть состояла в том, что при наличии компьютера и электронной почты трудилась девушка исключительно дома, осчастливливая места трудового предписания своим появлением крайне редко. Поэтому сослаться на законный выходной и радостное отсыпание в субботу утром не было никакой возможности — спала Стася и так сколько хотела, в любой день, предпочитая работать до поздней ночи, и непосредственно ночью, при необходимости, возникавшей практически всегда.

Ну, а свидания... Это совершенно отдельная тема!

Словом, вчера, когда позвонила княгинюшка и выдала задание партии имени себя, отвергнуться Стаське не удалось, хоть она и сделала все, что могла, а именно канючила, пугала тетюшку всякими дорожно-транспортными ужасами, которые могут случиться на зимней дальней дороге.

— Ерунда! — прервала слабые попытки отделаться от задания княгинюшка. — Ты прекрасный водитель, и я тебя не в деревню Синюки прошу съездить! Это солидный академический поселок, там дороги расчищают!

— Когда это он академическим был? Теперь он, по большей части, новорусский!

— Тем более дороги чистят! Слава, я по-

нимаю, что тебе не хочется, но мне срочно нужны эти тетради для книги! И ничего такого уж страшного — съездишь, проветришься, воздухом подышишь, дом проверишь, погуляешь. За городом сейчас такая красота! Зима настоящая — с морозцем, с чистым снегом, а не московская слякоть! Чайку попьете с Василием Федоровичем, поговорите за жизнь, ему будет приятно!

— Почему ты всегда придумываешь для меня какие-то суперзадания? — сдалась без особого боя Стаська.

Но выступить-то она имела право, бесполезно, зато хоть какая-то реабилитация для души!

— Слава, не вредничай! Давай, я тебя жду к вечеру, испеку твой любимый пирог.

— Ты испечешь или Зоя Михайловна? — съязвила Стася.

Тетушка рассмеялась.

— Какая тебе разница? Главное, что вкусно!

Зоя Михайловна была не просто тетушкиной домработницей, а скорее членом семьи, домоправительницей и изумительно готовила. Стася все поражалась, как при таких разносолах и каждодневных вкусностях княгинюшка умудряется остаться стройной и подтянутой, в ее-то, тщательно скрываемом после пятидесяти лет, возрасте.

— Не надо пирога, у меня и так попа с джинсами в конфликте, — проворчала Стася.

Вот и пришлось ехать. А в одиночестве, за рулем, чего ж не поворчать на судьбинушку и железный характер любимой родственницы, тем более, когда, вырулив на МКАД, девушка благополучно угодила в беспросветную, нудную пробку, не добавляющую радости настроению.

— Нет, ну я-то знаю, куда еду по делам, а вот вы все за каким лешим в субботнее утро поперлись? — риторически вопрошала она у участников пробочного движения.

Стася включила приемник, молчавший до поры, пока она с наслаждением предавалась ворчанию и придумыванию запоздалых отмазок от данного вояжа, и улыбнулась — смешно!

Противостоять княгинюшке мог, пожалуй, только президент, и то особым приказом, куда уж ей тягаться! Тетушка являлась для Стаси самым родным человеком, пожалуй, что в одном лице мамой и папой, и теткой, само собой.

Продвигаясь черепашьям ходом по дороге, в соседстве таких же автострадальцев, Стася улыбалась, думая о тетушке.

Серафима Андреевна Гольдина (по последнему мужу) родная сестра Стаськиного папы — Романа Андреевича Игнатова, была старше его на десять лет и «имела трудное удовольствие», как говаривала сама княгинюшка, трижды побывать замужем, но, к сожалению, детей у нее ни в одном замужестве не получилось.

— Мужья мои, слава богу, были не абы что, а вполне приличные люди. Я делала их, они делали карьеру — все справедливо. Теперь я могу спокойно, и заметь, комфортно жить так, как мне хочется, пользуясь плодами моих вложений в этих мужчин!

Не поспоришь!

Первый раз Серафима вышла замуж в двадцать два года, сразу по окончании с отличием исторического факультета и поступления в заочную аспирантуру, за своего преподавателя.

К моменту их скандального брака — преподаватель женится на студентке! — супруг имел кандидатскую степень и ревностно охранявшую его одиночество и принадлежность лично ей мамашу, с которой жил.

Энергичная Сима занялась карьерой мужа и укрощением мамыши всерьез.

За пять лет ее стараниями мужик из невзрачного измятого холостяка без особых амбиций преобразился в блистательного, подтянутого, стройного, одетого с иголочки красавца, доктора наук.

Явные и разительные перемены имели неизбежные последствия в виде любовной интрижки со студенткой и чуть не стоили ему карьеры.

Серафима взялась уладить конфликт в институте и на кафедре, на которой и сама к тому времени работала, но с определенными условиями — развод и размен квартиры на

два отдельных жилья. Когда родилась Стаська, Сима как раз пребывала во временной стадии «незамужества» и раздела имущества.

Странное дело, но с первым мужем Серафима дружит до сих пор, она еще не раз ему помогала в сложных ситуациях, выручала, потому что, несмотря на внешний лоск, характер у доктора наук, увы, не изменился. И похороны его мамы организовывала бывшая жена. Но это только тетушкины тайны.

Второй раз Серафима вышла замуж за доктора технических каких-то там наук, к истории как науке и профессии не имеющего никакого отношения, что не смутило княгинюшку ни на секунду.

— Ну, в бой, так в бой! — сказала Сима, активно знакомясь с технико-научной «тусовкой», вникая в тамошние интриги, традиции и пути карьерного роста. Здесь оказалось все сложнее, в силу времени, бытующего в стране, и национальности мужа номер два, с которой страна находилась в неприязненных отношениях.

Серафима Андреевна справилась — профессора он получил и...

И потом Сима помогла ему отбыть в Америку через обетованный для таких случаев Израиль.

Даром ей это не прошло, ее сильно пресинговали за бывшего мужа эмигранта из красот социализма, и Симе пришлось уйти с

работы. Но тетя не особо и переживала, осела временно и с удобством в музее научным сотрудником, переждать шумиху. А искренне благодарный ей бывший муж-профессор, уезжая, оставил Серафиме квартиру и что-то там еще.

Но опять-таки это только княгинюшкины тайны и истории.

Как ни смешно, и со вторым мужем Сима дружит до сих пор: они перезваниваются частенько, переписываются по электронной почте, ездят друг к другу в гости. Сима однажды спасла ему жизнь в девяносто каком-то лохматом году, когда он попал в больницу, серьезно заболев, и позвонил ей проститься. Княгинюшка понеслась «в эту Америку», и тамошние врачи наконец поняли, почему русские победили во Второй мировой войне — такую Курскую битву устроила им там Сима! Подняла всех специалистов на ноги, пригрозила миллионными судебными исками — словом, резвилась от души! Но профессора поставила на ноги, не отходила от него ни на минуту, кормила с ложечки, контролировала все процедуры реабилитации — ухаживала, как за ребенком.

И спасла-таки!

Третий, и «окончательный», как говорит Сима, раз она вышла замуж за академика Гольдина, подведя итог своей матримониальности: «за двадцать лет я наконец научилась

выбирать мужей — от кандидатов наук, отягощенных мамашами с мерзкими характерами, к красавцам академикам!»

Замечательный Евгений Симонович Гольдин кому был академик, а кому и дядя Женя.

Третье замужество стало для тетушки «Самым». Именно так, с большой буквы.

Единственная настоящая, сильная любовь и счастье от первого до последнего дня совместной жизни. Стася очень хорошо помнила, какой была в то время княгинюшка, как будто светилась изнутри, улыбалась все время, смеялась, шутила и все поглядывала на своего Евгеньюшку влюбленными глазами.

Он умер. Во сне. И больше Стася никогда не видела княгинюшку такой счастливой.

У Евгения Симоновича не осталось родственников. Вернее, они были, до определенной поры. Родители его давно почили, с первой женой дядя Женя развелся задолго до встречи с Симой, братьев-сестер не имел, какие-то дальние родственники числились, но отношений близких не поддерживали. Был сын Саша, Стаська его хорошо помнила, он приезжал к ним часто — веселый, шумный, большой, до глаз заросший бородицей. Когда он появлялся, начинался шум, гам, смех, диковинные истории про тайгу, в которой Саша проводил большую часть времени, работая не то геологом, не то нефтяником. Там и погиб, в экспедиции. Дядя Женя и Сима тяжело

пережили его смерть. Это Стаська тоже помнила — тишину и подавленность в доме, и тетушкины тихие слезы.

За неимением других близких родственников после смерти дяди Жени Симе досталась академическая квартира и дача в Подмосковном поселке, некогда прозванном «научным филиалом» за принадлежность ученым одного профильного направления.

Именно на эту дачу и заслала любимая родственница племянницу посреди зимы, мороза и снегопада.

У тетушки появилось новое увлечение — она *писала!*

После смерти Евгения Симоновича княжнюшка объявила себя одинокой дамой, потакающей своим капризам.

— Если сподобится появиться ухажеру какому — не откажусь! Но никакого сурьезу! Три замужества и одна большая любовь, мой Евгеньюшка, — более чем достаточно! Надо что-то и другим женщинам оставить, а то, как известно, замуж выходят одни и те же. Буду чудить в свое удовольствие, благо мужьями обеспечена!

Слово «чудить» означало весьма широкий спектр интересов и подразумевало различного рода увлечения.

Перво-наперво Сима принялась путешествовать по Европам, с восхищением делаясь впечатлениями, дополняя повествования фото-

и видеоматериалами. Частенько таскала по границам Стаську. Когда новизна и острота восприятия притупились, к познавательно-развлекательным вояжам княгинюшка охладела, и от очередного интересного предложения туроператора отмахнулась:

— Хватит. Накаталась.

Далее последовало новое увлечение — эзотерика в различных формах и вариациях — от народной медицины до экстремальных тантрических занятий, вызывающих у Симы гомерический хохот.

— Нет, ты представляешь, — делилась она впечатлениями с племянницей, — оказалось, это все танцы вокруг секса! Я когда посмотрела, что предлагается вот эдак расслабиться, дышать, думать, двигаться, чтобы, пардон, достичь наивысшего духовного и телесного слияния, от души пожалела нерадивых, ей-богу! Если это у них называется «достичь», то что у них тогда происходит в обычной семейной жизни? Взаимный глубинный массаж органов в темноте и под одеялом? Я, знаешь ли, волнуясь за молодое поколение, если им требуется заплатить деньги, и немалые, чтобы на глазах у еще двадцати человек научиться правильно владеть своими органами!

Тантры охладили увлечение эзотерикой, подорвав доверие к данному предмету, от которого остались лишь напоминания в виде фэншуйских штучек в доме, дорогущего аетро-

логического прогноза жизни на десяти листах и массы литературы, спрятанной «с глаз долой» в глубины книжных шкафов.

Еще Стаське с Зоей Михайловной пришлось пережить увлечения экспериментальными театральными постановками, «тусовками» в высших, но при этом околонаучных кругах, попытки изучения китайского языка, японскую кухню и так, всякого разного по мелочи.

Но надо отдать должное Серафиме: за каждое новое увлечение она бралась со всей серьезностью, подходя к вопросу по-научному. Всесторонне изучала предмет, перелопачивая массу литературы, справочников, сведений из Интернета, вникая в суть, посещая лекции и обращаясь к специалистам.

Что вы хотите — кандидат наук! А еще характер!

Где-то в середине изысканий по интересам княгинюшка увлеклась йогой и занимается ею по сию пору, за что Стаська не перестает благодарить Бога, потому что ежедневные тренировки держат тетушку в прекрасной физической форме.

Нынешнее, последнее, увлечение, свалилось негаданно.

Серафиме позвонили из Академии наук и поинтересовались, не осталось ли после смерти академика Гольдина каких-нибудь записей, любого свойства — научного или личного, так как в Академии принято решение выпустить

серию книг о выдающихся ученых: их биографии, заметки родных и друзей, описание работ.

Надо знать Симу!

Она лично съездила на аудиенцию к ответственному секретарю и члену-корреспонденту академии наук, курирующему данный вопрос. Результатом randevу явилась не какая-то там «краткая биография», а заказанная к написанию полноценная книга о жизни Евгения Симоновича.

— Люблю себя в писательстве! — сверкнув глазами, объявила княгинюшка, явно загоревшись новой идеей.

Дневники, за которыми так беспощадно тетка отправила Стаську в субботу поутру на дачу, Сима вела, только когда жила с дядей Женей.

— Вот, представляешь, никогда не имела тяги зафиксировать мысли-события, а с Евгеньюшкой, само сложилось, рука тянулась, как знала, что он самое скоротечное, яркое в моей жизни.

Дачу, построенную еще родителями Евгения Симоновича, не менее известными учеными, в семье любили, относились с почтением и элементами благоговения.

Жизнь на даче для Стаськи была особенной — безалаберно-свободной, счастливой и пахла малиной!

Всегда малиной!

Огромные заросли одичавших кустов буйствовали по всему участку и неизменно, каждый год, приносили какой-то нереальный урожай.

— Сима! — кричал из кустов дядя Женья. — Ее все-таки надо проредить! А то малинник, как в тайге, скоро до дома дойдет!

— Да не будем мы ее прореживать, Евгеньюшка, зачем! Пусть себе растет! — отмахивалась Сима.

Диалог, повторявшийся неизменно из года в год, в первый день их летнего приезда. Они начинали перетаскивать вещи из дяди-Жениной «Волги» в дом, бросали это занятие вместе с барахлом на полдороге и все втроем забирались в малину.

Сейчас Стаська улыбалась, вспоминая те годы.

Странная штука сознание — мысли цепляются одна за хвостик другой, и куда тебя занесут плавные неторопливые размышления — неизвестно. О чем только не передумаешь и чего только не вспомнишь, стоя в пробках да в дальней дороге. Иногда такое навориотишь в уме — вроде только что думал об утреннем кефире, а спохватился — о кладбище! И поражаешься: господи, как это меня занесло?

Правда, философы утверждают, что все в жизни взаимосвязано, и утренний кефир вполне может обернуться вечерним кладбищем.

Вот ведь Стася начала день с бухтения и негодования, а смотри — ползет в пробке на своем «фордике», присыпаемом сверху непрекращающимся снегом, — и улыбается, вспоминая лето, дядю Женю, малину, неспешные вечера на веранде за чаем и дачную вольницу!

Нет, на самом деле, чего куксилась, сопротивлялась? Ну, дорога сложная, так на то и зима, чтобы мороз крепчал и снег валил, а водитель Вася действительно хороший! Четырнадцать лет за рулем! Срок, между прочим!

Первую машину родители подарили Стасье в ее восемнадцать лет — «Жигули», пятерку, получив совместный «большой» гонорар.

Полгода Стася так старалась и до ужаса боялась водить, что от напряжения у нее постоянно болели спина, руки-ноги, голова. Доезжая до дома, девушка всегда страшно удивлялась, что умудрилась добраться из одного пункта в другой и не вдряться ни в какие ДТП.

Ничего, привыкла, и все получилось!

В водительском багаже имелись несколько несерьезных аварий, половина по ее вине, и всяческие мелкие происшествия. Так у кого не бывает!

Если бы не тетушка, Стася сидела бы сейчас дома, немного ленилась, много работала, на улицу и носа не высунула! Так чего изворчалась?

А никому не нравится, когда кто-то напридумывал дел и втягивает вас в их исполнение!

Обижаться на княгинюшку Стаська не то что не умела, а и представить не могла, как это возможно — с Симой они пребывали в полном согласии. Ну, любила Серафима Андреевна иногда «порулить» окружающими, так и что? Характер такой!

У Стаськи-то и подруг задушевных не появилось за ненадобностью. У нее всегда была Сима — всеми своими тайнами, мечтами, обидами, разочарованиями и победами девушка делилась с княгинюшкой. Подруги, конечно, имелись, как же без них, но...

Серафима всегда была за Стаську, невзирая ни на что, даже если племянница набедокурила или упорствовала в своей неправоте.

Так было всегда. С детства.

Даже не так — еще до Стаськиного рождения Сима стояла за этого ребенка горой!

Роман Андреевич, Стасин папа, получил нежданым сюрпризом, когда уж бабушка с дедушкой и не чаяли. И, как водится в таких случаях, был безмерно любим и без нее же, без меры, балован, и больше всех старшей сестрицей Симой. Но, на удивление, ни эгоистом, ни маменькиным сынком не вырос, может, благодаря открывшемуся с детства музыкальному таланту.

Мальчик был настолько одарен, что перешагивал через классы в музыкальной школе, и вскоре, благодаря стараниям своего перво-

го преподавателя, оказался зачислен в Гнесинское музыкальное училище, по окончании которого поступил в Московскую консерваторию.

Сам. Без блата и протезирования.

А какой мог быть блат, скажите на милость, у бабушки Елены Дмитриевны — преподавателя английского языка в вузе, и дедушки Андрея Ивановича — начальника заводской автоколонны?

Такой вот очень талантливый мальчик-скрипач получился!

В консерватории у молодого дарования Романа Игнатовича случилась, помимо блистательных успехов, большая любовь к сокурснице-скрипачке, профессорской дочке Оленьке Ремизовой, тоже не обделенной талантом.

Только талант там не талант, но между фугами Баха и сонатами Моцарта, где-то в джунглях оркестровой ямы или на явочной квартире однокурсника образовалась у детей «нечаянная» беременность.

По тем-то временам — позор и крест на карьере!

Детский музыкальный сад, взявшись за ручки и потупив очи долу, явился к родителям Романа — каяться. Вызвали срочным порядком Симу, примчавшуюся на такси из одного спального района Москвы в другой, уселись за круглый стол — держать семейный совет.

Оленька тихо всхлипывала, Роман муже-

ственно мял ее ладошку и поддерживал, обнимая за плечи, сам изо всех сил стараясь не пустить слезу от страха, Елена Дмитриевна держалась за сердце и за мужа, поглядывая на Симу в ожидании, что та все решит, как обычно.

— А что решать? — громко возмутилась Сима. — Жениться! Консерваторию не бросать ни в коем случае! Рожать без вопросов! Воспитаем, поднимем! Чай не сироты казанские!

Слезы! Всеобщий восторг! Объятия, ликование! Обсуждение планов грядущих мероприятий!

Ага! Не тут-то было!

Родители Ремизовы устроили страшный скандал с выяснением отношений, вызовом всей семьи Игнатовых на ковер.

Как, их единственное дитя — талант, будущая всемирно известная скрипачка, надежда на светлое будущее — и загубить жизнь таким мезальянсом и скандальной беременностью!!!

Не бывать этому!! Ни-за-что!!

И что это за мальчик?! Кто его родители?!

Кто, кто?!

Преподаватель английского в архитектурном институте? Начальник — нет, вы только вдумайтесь! — автоколонны на заводе!

На заводе!!

У девочки папа известный в определенных кругах музыкант, с самим Ойстрахом за руку

здоровается, профессор! Мама — певица камерного театра! Звезда!

А тут — ужас, позор, катастрофа!

Мы все исправим — мальчика отчислим из консерватории, в армию пойдет как миленький! Сделаем аборт, со знакомым врачом уже договорились! Ничего, порасстраивается дочка, а там, глядишь, через годок и позабудет!

Но нежный цветочек, девочка Оленька, холимый-лелеемый ребенок, уперлась насмерть, проявив характер. Заявила посеревавшему лицу отцу и маме, между ее приемами валидола и валерьяновых капель, что любит Рому, замуж за него пойдет и ребенка родит!

Для того чтобы стать действительно хорошим музыкантом, надо так вкалывать, проявляя характер ежедневно, закаляя силу воли, как спартанец! Характера у Оленьки хватало!

— Тогда ты нам не дочь, а мы тебе — не родители! — пригрозила слабым, но твердым тоном маман.

— Это ваше решение, и вы будете о нем жалеть! — не поддалась на шантаж Оленька.

На том и сошлись.

Родители Ремизовы ни на свадьбе дочери, ни в день рождения внучки и выписки матери с дочерью из роддома не присутствовали. Прислали сразу после ее ухода из дома все Оленькины вещи с водителем, и все. Правда, и от репрессий воздержались — ни исключать

детей из учебного заведения, ни как-то вредить Роме не пытались.

И на том спасибо!

И стало у Елены Дмитриевны и Андрея Ивановича двое детей вместо одного. Плюс младенец.

Имечком новорожденную дочь молодые родители осчастливили еще тем!

И это отдельная история, из разряда семейных легенд, пересказанная Стаське бабушкой, родителями и Симой в разных вариантах тысячу раз, но всегда со смехом безудержным.

А произошло сие историческое событие так.

Семейство обитало в трехкомнатной хрущевке с «гованной» — достижением советской архитектуры: санузлом, совмещенным с ванной на миллиметровой площади — квартире, полученной от завода Андреем Ивановичем после рождения сына. Жили всем составом, а именно: бабушка-дедушка, молодые с младенцем и Сима, находившаяся во временном «незамужестве» и размене квартиры с бывшим, тогда еще только первым мужем.

В один из дней приходят воодушевленные, излучающие радость молодые родители, по традиции, держась за руки. Вернулись из ЗАГСа, где дали официальное имя дочери, запечатленное в свидетельстве о рождении.

— Мы назвали ее Станислава! — радост-

но сообщил родным юный отец девятнадцати годов.

— Как-как? — меняясь в лице, грозно переспросила Сима.

— Станиславой, — повторила юная мать, того же возраста и вдохновения, что и муж, и пояснила: — В честь великого Станиславского!

— Кого?! — уже гремела железным негодующим голосом Серафима.

— Станиславс-ко-го, — пролепетала Оленька, подрастеряв оптимизм под негодующим рыком Симы и заподозрив, что не все в семье разделяют их с мужем воодушевление от общения к «великому».

— А каким, позвольте узнать, боком Константин Сергеевич к консерватории и к скрипачам, в частности?

— Он гений! Выдающаяся личность нашего времени! — произрек Роман, но без особого напора, видя, что сестрица в негодовании и искренне не понимает логику их поступка.

— Ну ладно, гений, но к вам-то он, повторяю вопрос, каким боком? Или вы что, во МХАТ изволили сходить, «Вишневый сад» по Станиславскому смотрели до культурного экстаза, зашедшего так далеко?

— Мы хотели дать дочери значимое имя, понимаешь? — пояснил Роман еще неувереннее.

— Да?! Что ж тогда мелочиться! Почему

не Моцарт? Скажем, нарекли бы Вольфгангой, Бах, Вагнер, ну, на худой конец, Прокофьев?! — гремела, наращивая в голосе децибелы, Сима.

— Мы долго думали, — поделилась Оленька мыслями, приведшими к историческому решению, — но имена любимых нами композиторов трудно переложить на женский вариант.

— Да что ты?! — «посочувствовала» Сима такому «препятствию». — Тогда бы сразу Константиной обозначили ребенка!

— Мы хотели, — вздохнув, призналась Оленька и потупила глаза, на всякий случай, — но женщина в ЗАГСе нам отказала, сказала, что в реестре женских имен нашей страны такого имени для девочки нет.

— Спасибо тебе, советский чиновник! — возрадовалась от души Сима.

— Сима, что ты ругаешься? Хорошее же имя: Станислава — красивое! Говорят, что имя во многом определяет судьбу, а имя великого человека помогает! — заступился Роман за первое совместное «семейное» решение, принятое с женой, и на всякий случай обнял Оленьку за плечи.

— А о ребенке вы подумали?! — разлетался по всей квартире громовыми раскатами голос Серафимы. — Она же девочка! Вы хоть представляете, как ее будут дети дразнить?! А? Стасиком? Стасом? Или Слава КПСС? Вот вы сами как собираетесь ее называть?

Юные дарования переглянулись — нет, ну так далеко они не заглядывали — красивое имя, в честь гения, и вперед! А что еще?

— Ну?! — требовала ответа Сима.

— Ста-станиславо-ой, — пролепетала Оленька.

— Полным имечком, постоянно, я правильно поняла?

— Ну, Стасик... — выдвинул версию Роман.

— Как, как?!

— Тихо ты, Сима, Стаську разбудишь! — вошла в комнату к спорщикам бабушка.

Елена Дмитриевна прекратила дебаты, одновременно признав имя внучки и придумав домашний, укороченный вариант.

Вот так и стала девочка Стаськой. Правда, княгинюшка называла ее исключительно Славой. Если и вправду имя определяет судьбу, то «Слава» звучит неплохо, может, что и определит!

А насчет того, что дети будут дразнить, тетка как в воду смотрела — намучилась Стаська, но... до определенной поры, пока Сима же не вмешалась и не научила, как надо действовать. Ну, это совсем другая история.

Повернув к поселку, Стася обнаружила, что почти приехала, и удивилась.

«Ну, надо же! За воспоминаниями и не заметила, как добралась — качу себе и качу!»

Она смотрела по сторонам, крутя головой

во все стороны, не забывая осторожно продвигаться по скользкой, но таки расчищенной дороге — вот же тетка, провидица! По обочинам стояли величавые сосны в снежных шапках.

Красота!

И чего Стася сопротивлялась? Ехать не хотела?

Сейчас приедет, войдет в дом, пройдет по скрипучим половицам, вдохнет такой знакомый, ассоциирующийся с беззаботным счастьем запах, не выветривающийся даже стилой зимой, — свой, особый, присущий только этому дому — немного смолистый, немного с дымком, перемешанный с еле уловимым малиновым духом. Прогуляется по поселку. Может, в лес забредет, если кто протоптал там дорожки в снежных сугробах, подышит чистым, густым от смолистости и морозца воздухом и пойдет к Василию Федоровичу чай гонять!

Стася по дороге первым делом заехала в ближайший магазин и купила запасы пряников, его любимых конфет, конфитюр малиновый и вишневый — тайную страсть старика, и чаю предпочитаемого им сорта.

Стасе исполнилось тринадцать, когда тетка вышла замуж за Евгения Симоновича, и девочку стали привозить на летние каникулы сюда, на дачу. А когда ей исполнилось пятнадцать, умерла бабушка Лена, и Сима забрала к себе племянницу насовсем, и на дачу они ез-

дили теперь уж не только летом, но и на все праздники и большую часть выходных.

Соседей было со многими друзьями Евгения Симоновича, еще с детских его времен, так как в поселке ничего не менялось до грозных девяностых, и дети и внуки тех, кто получал участки от правительства за научные достижения, все так же ездили в «академический городок» и носились по окрестностям дружными детскими компаниями.

У Стаськи, разумеется, здесь тоже имелись друзья-приятели, но она предпочитала большую часть времени проводить с теткой и ее мужем.

Такая вот уродилась, сверстники интересовали ее постольку-поскольку.

Или ей повезло с Симой, и с ней было гораздо интересней?

Через два дома от дачи Гольдиных стоял добротный каменный двухэтажный дом со смешными флюгерочками в виде котиков на крыше. Принадлежал он семейству Асокиных, известных ученых. Сергей Асокин — друг Евгения Симоновича с детских лет, с одной «академической» кухни. Жила с ними многие годы домработница Федоровна, как звали ее полным именем, никто уж и не помнит — Федоровна да Федоровна, и что она не член семьи, так это и подавно Асокины забыли. А у нее имелся родной брат Василий Федорович, у которого врачи в совсем уж дремучие време-

на нашли какое-то заболевание и порекомендовали жить на природе. Асокины без раздумий поселили его в доме, предоставив полный спектр полномочий и прописку.

С тех пор Василий Федорович жил в поселке безвыездно. Пережив и буйное заселение новых русских с масштабным строительством дворцов, и «наезды» братков на предмет продажи дома и участка, и пару-тройку разборок со стрельбой между новыми «хозяевами», и канувших без вести большую часть первой волны новых хозяев, и перепродажи домов-дворцов другим владельцам, и установившуюся тишь да благодать после последнего водворения последних на данный момент домовладельцев.

Для Стаськи Василий Федорович, энергичный, непоседливый, юморной, являлся неотъемлемой частью дачной жизни. Ранним утром он развозил молоко, творог, сметану «для своих», за которыми ездил в ближайшую деревню на стареньком велосипеде к некой бабе Нюре. А зимой присматривал за некоторыми академическими, еще «старорусскими» дачами, в том числе и за домом Серафимы Андреевны — расчищал дорожки, протапливал дом в особые морозы, гонял случайных бомжей. Если сам с лихими людьми не справлялся, бежал на другой конец поселка, звал охранников из «барских» домов на подмогу.

Словом, жизнь у дедульки была насыщена делами и событиями местного масштаба.

Все оставшиеся «бывшие», приезжая летом ли, зимой ли, шли к нему поздороваться, попить чайку, поговорить о жизни, выслушать поселковые новости, поблагодарить за «досмотр» домов и пригласить всенепременно к себе с ответным визитом.

Такая традиция.

Осторожно съехав с небольшого подъема — шипованая импортная резина, конечно, хороша, но против русского гололеда, пусть и присыпанного песочком и золой, и она ненадежна, — Станислава разглядывала нетерпеливым взглядом калитку своего участка, с расчищенным, утрамбованным возле нее снегом.

— Дай бог тебе здоровья, Василий Федорович! — вслух поблагодарила она, чувствуя радость от приезда и предвкушая встречу с неугомонным стариком.

Беседовать с Василием Федоровичем Стася любила. Он все прищуривался хитро, прищипывал языком, сыпал юморком, перемешивая речь простонародными словечками, а был-то мужичок не простой, а с образованием высшим и какой-то историей, покрытой мраком тайны, а все «косил» под дедка-шишка.

С ним всегда интересно беседовать, попивая неспешно чаек, смеяться его шуткам и острым точным замечаниям и непонятно по-

чему рассказывать вдруг о себе, попадаясь на незатейливые, казалось бы, вопросы.

— Я те скока говорю, Стасенька, замуж тебе надобно! Мужика толкового, а то что ж, красавица така, и одна! Не дело!

Фраза-пароль, с которой начинался любой их разговор, и Стася точно знала, когда дед ее произнесет — вот выпьет половину первой кружки душистого чая, чинно водрузит ее на большое блюдо и приступит к разговору с любимого наставления.

Затормозив у родного крыльца, Стаська выдохнула:

— Ну, слава богу, добралась! И ведь княгинюшка, как всегда, оказалась права — и красота вокруг необыкновенная, и воздух, покой, и дороги почищены и песочком присыпаны, и машины ездят, не деревня Синюки Неурожайного района, а все ж таки академический поселок с новорусским уклоном! — Открыв дверцу и выбираясь из машины, добавила: — Или теперь наоборот — новорусский поселок с академическим флером прошлого.

Дорожка от калитки к дому была аккуратно расчищена, по всей видимости, вчера, сегодняшней непрекращающийся снегопад успел похозяйничать, добавив работы для лопаты. Дом встретил Стаську радостно и пожурил за долгое отсутствие, вздыхая половицами.

— Здравствуй, дом! — поприветствовала она, входя. — Не жури, работа, знаешь, дела!

В доме еле заметно пахло дымком; не застарелым, а совсем недавним, малиновым духом; старыми книгами, занимавшими значительную часть жилого пространства.

Хо-ро-шо!

Знать, Василий Федорович протапливал печь. Третьего дня, в ночь, совсем уж лютый морозец для этих мест стоял, так старик расстарался, чтобы дом не промерз, и ведь не поленился — печь топил, спасибо ему огромное! В подвале имелся вполне современный бойлер, который отапливал весь дом, но печь сохранили намеренно, не поддаваясь искушениям нового времени, не переделав ее в камин. Сима твердо убеждена, что лучше, чем на печи, никогда не приготовить блинов, щей и гречневой каши, а уж варенье — это святое!

Пройдясь по комнатам, Стася зажгла везде свет, здороваясь с каждым углом дома. Нашла в столе, в кабинете Евгения Симоновича, заветные тетрадки княгинюшки, сложила к себе в сумку, чтоб не забыть ненароком, и задумалась, не протопить ли печь еще разок как следует, раз уж приехала.

И махнула рукой — обойдемся без излишней инициативы, которая, как известно, грозит исполнением. Лучше она спросит у Василия Федоровича, надо ли. Ему видней: скажет «надо» — сделаем, куда ж деваться.

Еще раз обойдя весь дом и теперь выключая свет, проверив запоры на окнах, Стася старательно закрыла все двери и двинулась к Василию Федоровичу, по дороге, достав из багажника машины увесистый пакет с гостинцами.

Странно, но на участке ее не встретил Цыган — старый кобелина, помесь волкодава с овчаркой, верный друг и спутник соседа. Стася помнила его еще щенком. Василий Федорович нашел песика на берегу речушки, где кто-то утопил весь выводок, а этот как-то выбрался и скулил обиженно, маленький, непонятной серой масти комочек, вымахавший затем в здорового боевого зверину, несущего службу как надо, без дураков.

— Ушел, что ли, куда? — предположила Стася. — Тогда чего калитку не запер? Василий Федорович! — крикнула она.

Из дома на ее призыв отозвался воем Цыган.

— О господи, это что такое? — перепугалась Стася и, торопливо толкнув дверь, вошла.

Уютный теплый дом встретил ее ощущением беды, мурашками, побежавшими по спине, и воем Цыгана, таким жутким, что у Стаси перекувырнулось сердце.

— Василий Федорович, вы где?

Она пошла на завывания. В большой гостиной, возле круглого старинного стола, при-

крытого длинной скатертью с бахромой, сидел Цыган и, задрав морду вверх, ужасающе выл.

— Цыган, ты что, сбрендил?! — отходя немного от парализующего страха, прикрикнула она на пса, напугавшего ее до полусмерти.

И тут Стаська увидела ноги!!

Боясь и зная, что увидит, она сделала три шага вперед. На полу, на спине, лежал Василий Федорович, и у него было совершенно белое лицо и какие-то синюшные губы.

Цыган резко перестал выть и уставился на Стаську совершенно человеческим несчастным взглядом, просящим о помощи. В наступившей, как свалившейся, неожиданной тишине что-то тихо однотонно звякало. Стаська медленно повернула голову на звук и поняла, что звякают друг о друга баночки с конфитюром в пакете, который она держала в руке.

«Почему они звенят?» — отупело подумала Стася.

И тут заступорившаяся от страха действительность навалилась на нее со всей ужасающей четкостью: вот лежит Василий Федорович и, видимо, он умер, а банки звенят, потому что ее от ужаса колотит мелкой дрожью и она стоит, как парализованная, ничего не делает и только трясется.

Стаська откинула в сторону пакет, бухнулась на колени возле старика, схватила его за руку, неожиданно оказавшуюся очень тяжелой, пытаясь нащупать пульс.

Как там он щупается, черт возьми?! И что надо делать в таких ситуациях?!

— Василий Федорович, миленький, что с вами?

Он вдруг застонал и с трудом открыл глаза.

— Вы живы!! — заорала Стаська. — Какое счастье!! Что ж вы так пугаете?!

Пожалуй, она еще никогда не радовалась так в своей жизни.

— Ста-асенька... детка... — делая усилие, еле слышно прошептал Василий Федорович, — сам Бог... тебя послал...

Ну, так масштабно и смело Стаська бы не замахивалась, но на подручную Господа тетя точно тянула, одно имечко — Серафима — говорило о многом, а умение послать в нужное место и в нужное время, а некоторых в конкретном направлении оттачивалось годами! Чему Станислава и имела в данный момент подтверждение.

— Василий Федорович, что с вами? Я сейчас! — засуетилась она, сообразив наконец, что надо делать, и рыская по карманам в поисках телефона. — Я «Скорую»!

— Сердце... вот... прихватило...

— Вы давно лежите? Да где же этот чертов телефон?!

Выпростав ладонь, застрявшую в обшлаге дубленочного кармана, Стаська отползла на коленях к сумке, которая упала с ее плеча

неизвестно когда, хорошо хоть рядом оказалась, а то ищи ее!

— Утром... снег убрал... чай пошел пить... и прихватило...

Безрезультатно поковырявшись в глубинах сумки, Стаська торопливо вытряхнула содержимое на пол, нашла наконец телефон и столкнулась с новой проблемой: с перепугу, суетясь, она напрочь забыла, как набирать эту «Скоруую» с сотового телефона!

Как?! Давай вспоминай!!

— Ты... подожди, — прохрипел Василий Федорович, — не приедут... они сюда... Ты, Стасенька... в семнадцатый дом... беги...

Стаська приблизилась к нему, подползя на коленках обратно, наклонилась, чтобы лучше слышать.

— Зачем в семнадцатый? — спросила она, видя, что старику совсем трудно говорить.

— Доктор там... очень хороший... известный...

Он замолчал, слепил синие губы, попробовал сглотнуть.

— Воды? — поняла Стася. — Я сейчас! — и уже метнулась, сделав движение, за водой.

— Подожди... — остановил он. — Потом... Ты за доктором... беги. Он мужик... хороший. Правильный... Утром приехал... я видел... я снег...

— Я сейчас! — отползая на коленках, по-

обещала Стаська и попросила: — Ты подожди тут, Василий Федорович! Не умирай только!!

Она вскочила на ноги и понеслась, как не бегала никогда в жизни.

«Семнадцатый — это в конце улицы, на противоположной стороне!» — сообразила Стася, вылетая из калитки на улицу.

«Улица» — это, пожалуй, слишком громко сказано, и тем не менее асфальтированная узкая дорожка — еле-еле разъехаться двум машинам, с угрозой поцарапать бока — даже название имела: «Имени Академика Павлова». Какого именно Павлова — не уточнялось, ибо известный всем и каждому академик к физико-математической направленности ученых данного поселка имел весьма сомнительное отношение. Может, у них свой Павлов имелся, поди разбери человеку, далекому от научных сфер, а может, у ученых мужей юмор такой — дескать, все мы живые существа с рефлексами, знаете ли, как у собачек, природу опять-таки любим. И в полном соответствии с этими рефлексами в первой половине субботнего дня улица «имени Академика Павлова» была пустынна — ни машин, ни людей.

Несясь как спринтер, Станислава умудрялась размышлять, пытаясь вспомнить, кто раньше жил в семнадцатом доме, вот сто пудов, никаких врачей там не наблюдалось, а принадлежал этот дом пожилой бездетной паре профессоров, очень милых и приятных.

Дом поразил своим преображением, это было добротное каменное строение с мансардой под крышей, оберегаемое высоким кирпичным забором с железными воротами для въезда машин.

Никакой кнопки звонка или цифровой панели домофона ни у ворот, ни у калитки не наблюдалось. Стаська забарабанила кулаками по железу:

— Откройте!! Пожалуйста!! Эй, хозяева!!

Но ее заполошные крики и гроыхания по железной двери действия не возымели — на участке стояла первозданная тишина, словно и не потревоженная ничьим нахальным вторжением.

— Да что он там, спит, что ли, этот «хороший мужик», известный доктор?! — возропта-ла Стаська.

Бабахнула еще пару раз, для очистки совести, на всякий случай, и призадумалась.

— А-а-а! И черт с вами со всеми! — решила она предпринять отчаянные действия, которые требовала критическая ситуация. — Собаки нет — и то хорошо! Никто не лает и не кидается.

Значит, выход один.

А что делать?

Прикинув, как бы половчее это сделать, Стася посмотрела на ворота в свете собирающейся воплотиться безумной идеи — нет,

ворота ей не осилить — высоченные! А вот калитку...

Так! Если встать одной ногой на ручку, подтянуться, упираясь на ступню, хорошо бы еще держаться за что-нибудь!

За что?

За кирпичные столбы по бокам? О-очень хорошая идея, вот только практически не осуществимая!

— Ладно! Вспомним детство! — подбодрила себя Стаська и стала снимать дубленку, чтобы не мешала при выполнении сомнительных спортивных упражнений.

Повертела головой, осматриваясь, куда бы пристроить верхнюю одежду — ни вешалки захудалой, ничего подходящего в поле зрения не обнаружилось, и Стаська пристроила одежку возле кирпичного столба на снегу.

Детство у Стаси, как водится, было счастливое, но небоевое, по крайней мере, по чужим калиткам она не лазила. И по своим тоже.

Деревья осваивала, в речку с мостика ныряла, по лесу шастала, а вот калитки — нет, извините, не пришлось.

Но мадемуазель Игнатова с младенчества отличалась гибкостью и как-то, пока ей не надоело, даже посещала танцевальную студию. Посему первый этап прошел нормально, с достойным результатом — ногу подтянуть и взгромоздить ступню на ручку калитки ей

удалось без особых усилий, но далее подразумевались акробатические этюды из серии «Чудеса!» — подтянуть тело вверх!

Цепляясь руками за кирпичные углы, матерясь потихоньку, неприлично отклячивая попу, с третьей попытки она таки это сделала — вползла наверх и улеглась животом на верхнее ребро калитки.

Станислава Романовна как-то не потрудилась подумать о том, что хозяев может попросту и не быть в доме — уехали или ушли куда-то, и тогда ей придется выбираться назад таким же образом, что со стороны смотрелось вполне определенно: как попытка проникновения на чужую частную собственность с криминальными намерениями. Но даже если б и подумала, то ее мало что могло сейчас остановить.

Подтянувшись повыше, она перекинула одну за другой ноги через калитку, повисла на руках и свалилась кулем вниз, пребольно плюхнувшись на пятую точку.

Фигня! Главное — получилось!

К счастью, никуда хозяева не уехали — вон машина стоит у ворот, не самый новый джип «Ровер», почему-то не загнанный в гараж — значит, дома! Протопав, как слон, по ступенькам веранды, Стаська заколотила в дверь и заорала:

— Эй!! Откройте!! Есть кто дома?! Пожалуйста, это очень срочно!!

И тут она подумала, что все бесполезно! В доме стояла тишина, и никто не собирался ей открывать, ну хотя бы для того, чтоб навалить по шее непрошеной нахалке.

И испугалась!

Осознав, что пока она тут по заборам лазает и орет как оглашенная, Василий Федорович лежит беспомощный, и «Скорая» действительно сюда не поедет, а если и поедет, когда она доберется в поселок-то!

Дверь распахнулась!

«Хороший мужик», и, вполне вероятно, что «хороший доктор» действительно спал. Если, конечно, открывший дверь здоровенный дядька, взлохмаченный, с помятым от подушки лицом, с голым торсом, в явно наспех натянутых и не до конца застегнутых джинсах и был искомым ею с таким упорством сосед.

— Вы доктор?! — не сбавляя громкости, допытывалась Стаська.

Он ошалело, непонимающе посмотрел на нее — орала Стася будь здоров!

— Доктор, — подтвердил мужик, решив, по всей видимости, что лучше согласиться с неадекватной барышней.

— Скорее, пожалуйста!!! — продолжала кричать Стаська, и руки просительно судорожно сцепила в замок, прижав к груди. — Там Василий Федорович!! Умирает!! Сердце!!

Взгляд мужика приобрел осмысленность, а с ней и суровость.

— Зайдите! — распорядился он и куда-то исчез.

Стася шагнула через порог, но дверь закрывать не стала, так и стояла на старте, готовая бежать. От адреналина, бурлившего в крови и колотящего сердце, или от холода ее была крупная неконтролируемая дрожь. Как провинившаяся школьница, девушка переминалась с ноги на ногу и смотрела вниз на отпадавшие с сапог пласты снега, превращающиеся на полу в маленькие озерки.

— Идемте! — откуда-то сбоку вышел дядька. Полностью одетый, в куртке, застегнутой до горла, и с медицинским ящиком в руке: — Далеко? Может, быстрее доехать?

Голос у него... класс!

Такой очень мужской, командирский, низкий с хрипотцой. Таким голосом скажет что-либо мужчина — и ты знаешь, теперь все в полном порядке будет — помощь пришла, подкрепление успело, враги разбиты, крепость наша. А ты отдыхай, браток, ты молодец — со своей задачей справился, отойди в сторонку, сейчас большие все решат, сделают, спасут! В конкретном случае не браток — сестричка.

И Стаська поняла, что она действительно молодец, потому что если кто и может спасти, так только этот здоровый и угрюмый мужик!

А больше и никто!

— Нет, здесь близко! — сообразила она, какого ответа он от нее ждет.

— Вы как на участок-то попали?

Стаське показалось, что доктор усмехнулся, какой-то намек в его тоне сквозил.

— Перелезла через калитку, — оповестила она о своих спортивных достижениях. — Я стучала и кричала, но никто не открывал, ну, вот я...

— Понятно, — кивнул мужик, как о чем-то заурядном. — А почему раздеты?

— В дубленке неудобно лезть.

— Боевая, вы, однако, девушка.

И вот непонятно — не то похвалил, не то попенял, укоряя.

— Не очень, — буркнула Стаська, подбирая сиротливо брошенную дубленочку, когда они вышли с участка. — Я, вообще-то, нечасто по калиткам шарюсь, но Василий Федорович...

И они побежали.

Цыган и бровью своей собачьей не повел на появление чужого человека в доме, понимал, что хозяина спасать пришли, а может, и знал мужика этого, доктора.

— Ну, и что вы, Василий Федорович, барышень пугать взялись? — спросил доктор, опускаясь на колени рядом с больным.

Совсем другим, ничуть уже не командирским голосом — успокаивающим и обнадеживающим: «Ничего страшного, все в порядке!»

Вот такие метаморфозы!

Стаська стояла рядом и не могла отвести

глаз от его больших покрасневших рук, быстро и очень умело обследовавших больного.

Странное с ней что-то творилось, никак последствия стресса.

— Ну, что, Василий Федорович, сейчас вас в больницу отвезем, — вынес вердикт «хороший доктор». — Кому зверя вашего на время пристроить?

Цыган повел умной лобастой башкой, поняв, что речь о нем, и заранее смиряясь: ничего, лишь бы хозяин перестал пугать и встал на ноги.

— Зинаиде Ивановне... Стасенька знает...

— Я знаю! — встрепенулась в боевой готовности она. — Я отведу!

— Отведете, — притормозил ее порыв командир, поднимаясь с колен, — только не прямо сейчас. Василий Федорович, вы с Цыганом договоритесь, объясните ему ситуацию, а девушка мне покажет, где можно руки помыть.

— Инфаркт, — сказал доктор, когда Стася провела его в ванную, — и очень плохой инфаркт, надо кардиограмму сделать, тогда и посмотрим, насколько тяжелы дела.

И неожиданно спросил:

— Как вас зовут?

— Станислава, — ответила она, мысленно принимая оборонительную стойку.

И совершенно зря, как оказалось, никаких замечаний, неизменно следовавших за произнесением ее имени: «какое редкое, необычное,

странное, неженское, мужское...» нужное подчеркнуть — ничего такого не последовало.

Он просто отдал распоряжения:

— Вот что, Станислава, Василия Федоровича надо срочно госпитализировать. Вы сейчас отведете Цыгана, и, если там есть мужчина, тащите его сюда. Хорошо, что больной как упал, так и не двигался. Его вообще нельзя трогать, но придется.

— Я подгоню машину! — выдвинула предложение Стася.

— Это та, что через два дома стоит? Серебристый «Форд»?

— Да.

— Нет. Поедем на моей, так надежней будет. Здесь подъем, вы можете с первого раза не въехать на горку или забуксуете по гололеду, а лишняя тряска может убить Василия Федоровича.

Стася кивнула, ужаснувшись обрисованной перспективе, она и не подумала перечить, забыв побеспокоиться о своей бросаемой здесь на произвол судьбы и всяких возможных злодеев, машинке.

Но оказалось, что товарищ думал, не в пример ей, обо всем. Спокойно, рассудительно, не забывая о мелочах.

Как и положено вождю.

— Я сейчас ему несколько уколов сделаю, пока вы ходите, созвонюсь со знакомым из больницы, чтобы сразу к нему везти Василия

Федоровича. Когда вы вернетесь, мы на вашей машине доедем ко мне, припаркуем на место моего «Ровера». От греха. Идите. Да, и дом свой проверьте, закройте и из машины все нужное не забудьте достать.

«Есть!» — она не ответила, хоть и подмывало по глупости или от того же стресса, кивнула, смутно напомнив себе китайского болванчика, постоянно кивающего головой, и заторопилась выполнять поставленные задачи.

Мужчину она привела, вернее, это сделала не Стася, а Зинаида Ивановна, и слушать не захотевшая Стаськины робкие отговоры. Вмиг собралась помочь другу в беде и кликнула по дороге соседа, постоянного жильца поселка, на подмогу.

— Да что ты, Стася, как же можно не помочь? А собрать его в больницу: документы, одежду какую, щетку зубную, мелочи всякие, тапочки!

«О господи! — простонала мысленно Стаська. — Еще и тапочки! А я его, как на кладбище, без ничего, без документов и тапочек везти хотела!»

Василия Федоровича со всеми возможными предосторожностями вынесли на руках доктор с соседом, Зинаида Ивановна поддерживала его голову, больше мешая, чем помогая, но мужчины ее не отстраняли, больного загрузили на заднее сиденье машины, а командир отдал последние распоряжения:

— Зинаида Ивановна, вы за домом при-
смотрите, Василий Федорович не скоро вер-
нется. Сможете здесь все закрыть?

— Конечно, доктор, не беспокойтесь: и
печь почищу, и проверю все, и закрою, не
беспокойтесь! — выказала готовность душев-
ная соседка.

— Я вполне на вас полагаюсь, не хочу, что-
бы беспокоился Василий Федорович, ему это
сейчас никак нельзя. Станислава, садитесь к
нему назад, поддерживайте голову и старай-
тесь удержать его от лишних движений!

Стасю удивило несоответствие внешнего
вида «Ровера» — не самого «крутого» и мод-
ного — и его технических характеристик.
Машина оказалась весьма и весьма мощной,
с ровным плавным ходом и звучащим как му-
зыка мотором.

Василий Федорович или спал после уколов,
или не мог открыть глаза от слабости и боли,
и дышал как-то тяжело, с прихрипыванием.
Стася, придерживая его голову двумя руками,
все прислушивалась к нему, боясь и предпо-
ложить худшее.

Понемногу дыхание больного выровня-
лось — уснул, наверное, и она, слегка успоко-
ившись, посмотрела в окно, на дорогу. Когда
они проехали мимо поворота на райцентр,
тихо спросила:

— А мы разве не в районную больницу
едем?

— В Москву. Здесь я никого не знаю, — ответил мужик и посмотрел на нее в зеркало.

Стаська перехватила этот взгляд и вдруг подумала, что не представляет, как выглядит доктор. В переполохе она воспринимала его в целом — большой, широкий, высокий, обычное лицо, а вот какое именно, в деталях и не рассмотрела, только сейчас обратив внимание на его глаза — серые. Такие светло-серые, со стальным отливом и очень усталые. Какие-то замученно-уставшие, застарелой, преодоленной, не единожды изматывающей усталостью, с темными до черноты тенями на веках и под глазами.

Странно, а ведь совсем по-боевому командовал на блокпосту — здесь мины, там мины, направо, налево, шагом марш! — спокойно, без надрыва и фанатизма.

Вождь, одним словом.

И поди ж ты догадайся, что устал командир!

А еще она со всей отчетливостью, детально запомнила его руки — большие, широкие ладони с длинными сильными пальцами, немного покрасневшие.

— Как вас зовут? — ни с того ни с сего спросила Стаська.

— Степан Сергеевич.

— Спасибо вам огромное, Степан Сергеевич! — уж совсем не в огород бухнула Стаська.

Он не ответил. И взгляд отвел на дорогу.

Степан устал дьявольски.

Осатанело, за всякими человеческими пределами. Еще сутки назад он не понимал, как держится, а перейдя тот крайний рубеж, и задумываться перестал.

Он не спал без малого трое суток, но даже в такой непереносимой усталости не мог заснуть в самолете. Его организм был устроен странно — мог сутками дрыхнуть в поездах, в машине, на корабле в любую качку, не реагируя ни на какие внешние раздражители, вплоть до разбушевавшейся стихии, но никогда не мог заснуть в самолете.

А летать приходилось много, очень много. И часто. И на разные расстояния, как правило, далекие.

Никаких медикаментов в помощь индивидуальной работе организма — таблеток, инъекций, стимулирующих препаратов, Степан категорически не принимал, даже в случаях, когда казалось, обстоятельства вынуждают подбодрить, помочь телу и разуму. Он прекрасно понимал, что при его работе таких обстоятельств будет полно, а подсесть на зависимость, как некоторые его знакомые коллеги, можно запросто.

Сам справлялся. Это Степан умел.

Таким вот образом, на остатках силы воли и характере, он, не помня как, добрался нынче утром до дома и завалился спать.

Сразу. Прямоком с порога, стаскивая с себя одежду по ходу движения в спальню, забрался в кровать под три одеяла — дом-то не топлён — и вырубился напрочь.

Ему снилось, что он услышал слабый голос, доносившийся из развалин. Прислушался — да! Есть!!

— Живой!!! — оповестил он команду и отошел в сторону.

Теперь ждать. Ребята оценят высоту и сложность завала, под которым оказался человек, пути лучшего доступа.

— Вы разговаривайте, если есть силы!! — прокричал Лева человеку. — Чтобы мы вас слышали!

Человек под толщей бетонных обломков что-то тихо отвечал. Степану, стоявшему сбоку, не было слышно слов, только голос.

И вдруг, без команды и предупреждения, начались работы!

— Бух! Бух! Бух! — стучала дробилка.

— А-а-ах!! — сбрасывал в кузов обломки экскаватор.

— Кто разрешил?! — заорал Лева так, что вздулись жилы на шее. — Тишина!!!

И Степан побежал туда, к машинам, остановить работы. Он спотыкался, выворачивал ступни о края бетонных кусков, заваливших все вокруг, упал, рассек колено, поднялся и побежал дальше.

— Бух! Бух! Бух!

Степан сел на кровати, не открывая глаз.

— Да что за черт?!

Он спал? Проснулся? Или наоборот? Идет работа, а он заснул?

— Откройте!! Эй! Есть кто дома?!

Он тряхнул головой, пытаясь оказаться в реальности. Только вот в какой?

Ночной кошмар?

— Пожалуйста!! Это очень срочно!!

Глаза Степан смог открыть.

Так. Он дома. И кто-то тарабанит в дверь. И кричит.

Пожар, что ли?

Руки и ноги не очень-то слушались, когда он натягивал джинсы. Что там руки-ноги — голова совсем не соображала, но умудрялась кое-как отдавать команды телу, что и помогло Степану добраться до двери и как-то эту дверь открыть.

Ему даже удалось сообразить, что перед ним стоит миниатюрная девушка в светлых брюках, в свитере, перепачканном чем-то похожим на краску с ржавчиной, и без верхней одежды, и что это она тарабанила в его дверь, и совершенно точно — вот это никак не могло быть реальностью.

Значит, сон. Странный какой-то. Или все-таки пожар?

— Вы доктор?! — очень громко и звонко закричала на него девушка.

Степан слегка обалдел от напора и требо-

вательности неизвестной гражданки, почему-то оказавшейся в его сне.

— Доктор, — ответил он, не отдавая себе отчета, что говорит.

Девушка продолжила что-то орать и сложила маленькие ладошки в замок, прижав жестом отчаяния к груди, как делали в старых немых фильмах, подчеркивая нарочитостью жеста сюжетную линию.

Эта ничего не подчеркивала и не изображала, а пребывала в настоящем отчаянии и испуге.

И тут до его оцепевшего сознания дошло, что кто-то умирает, а эта маленькая перепуганная девчушка прибежала его звать на помощь.

И, как обычно случалось с ним в таких ситуациях, что-то переключилось на резервные батареи в мозгу, Степан мгновенно стал соображать и действовать.

— Зайдите! — приказал Степан и пошел собираться.

На автомате оделся, проверил ключи, телефоны, документы, похлопав по карманам куртки, взял медицинский ящик, внесенный в дом из остывающей машины автоматически, без участия мозга, посмотрел на часы, пытаясь понять, сколько ему удалось поспать.

Два с лишком часа.

Ладно. Продержимся!

Несчастье произошло с хорошо ему извест-